

Хотя находились те, кто благодаря всяким нехитрым приёмам мог смастерить подобную бледно-жёлтую кожуцу, она годилась лишь на то, чтобы одурачить простых людей — на Сюэ Сяня это не подействовало бы.

А этот молодой монах, что стоял перед дверью, был и вовсе плох: он даже не попытался что-то изобразить — медные монеты на его поясе, не говоря уж о блестящей масляной кожице, казалось, почти стёрлись до голой меди. Неизвестно, откуда он их вообще выкопал, возможно, ими даже ни разу по-настоящему не пользовались.

И вот с таким багажом он собрался спускаться с гор в мир за пропитанием? На что он надеялся? На свою привлекательную внешность?

Сюэ Сянь мысленно усмехнулся, со спокойной душой опустил коробок с едой и небрежно наложил заклинание маскировки, превратив его в обломок бревна со следами от огня.

Он бесшумно откинулся на спинку стула, и его высокое худощавое тело в мгновение ока осело. В один миг он тоже превратился в тончайшего бумажного человека, только его края были куда гладче, чем у Цзян Шинина, прорисован он был намного аккуратнее, и на лице не красовалось лишних румяных пятен.

Цзян Шинин, лежавший на земле мертвецким грузом и не способный пошевелиться: «.....»

Из этого можно было сделать вывод, что этот некто по своей природе был существом водоплавающим и чистокровным ублюдком.

Тонкий бумажный человек, в которого превратился Сюэ Сянь, мягко соскользнул со стула на землю и растянулся рядом с таким же бумажным двойником Цзян Шинина. Всего за миг оба лежавших на земле бумажных силуэта осели ещё на слой, превратившись в пятно тёмно-зелёного мха, прильнувшее к грязи, и полностью слились с этим полуразрушенным домом, не оставляя ни малейшего изъяна.

Полгода назад Сюэ Сянь ни за что не стал бы заниматься подобной возней. Если бы какому-нибудь смельчаку вздумалось забраться в его убежище, он мог бы прямо на месте разнести глупца до новой могилы. Однако теперь ему приходилось поступаться гордостью и шаг за шагом накладывать маскировку —

Человек, который только-только с трудом поднялся от полного паралича до полупаралича, с величайшим трудом передвигал собственное тело, и количество чар, доступных этому бумажному сосуду, было весьма ограничено. Ему ещё повезло, что не пришлось рыть могилу самому.

К счастью, объявившийся монах оказался лишь разряженным болваном, чьё лицо годилось разве что на продажу.

Сюэ Сянь предполагал, что этот монах зайдет, побродит вокруг, никого не найдёт ни внутри, ни снаружи и в конце концов вернется туда, откуда пришёл.

Молодой монах в белых грубых льняных одеждах остановился во дворе и холодно окинул всё взглядом.

В медицинской лавки семьи Цзян изначально было три главных комнаты, три боковых флигеля, дворик с аптечным огородом и довольно крупный фасад впереди. Это была немаленькая усадьба, но после пожара она три года стояла заброшенной, и теперь её можно было полностью оглядеть всего за пару беглых взглядов...

Монах отвёл взгляд, перешагнул через обломки камней и битую черепицу и направился напрямик к уцелевшей половине западного флигеля.

Стоило ему перешагнуть порог комнаты, как пальцы, спрятанные в рукавах, едва заметно согнулись. Он машинально потёр подушечкой большого пальца ребристую поверхность медных монет на поясе, слегка нахмурил брови и разжал руку.

Цзян Шинин, превратившийся в мох и прилипший к земле, во все глаза уставился на монашеские сапоги, смертельно боясь, что тот начнёт расхаживать по комнате и протопчется прямо по нему. А вот Сюэ Сянь был совершенно безмятежен и ни в грош не ставил этого монаха.

Конечно же, этот флигель был тесен, как улиткина раковина, и просматривался насквозь с первого же взгляда. Монах даже не стал заходить внутрь, постоял на пороге и повернулся, чтобы уйти.

Сюэ Сянь снова мысленно усмехнулся.

Но не прошло и мгновения, как улыбка исчезла с его лица... потому что этот монах вернулся!

Возвращаясь, он держал в руке лоскут белой грубой ткани — судя по качеству материала и размеру, он только что оторвал его от подола собственной рясы. Вот так, зажав в руке чистый белый лоскут, он поднял валявшийся во дворе кусок медной бляхи, с бесстрастным выражением лица подошёл к Сюэ Сяню, задрал полы рясы, опустил на корточки и грубо соскоблил мох-Сюэ с земли.

Сюэ Сянь: «.....»

Когда он соскребал его, его брови отчетливо дрогнули — если глаза Сюэ Сяня не обманывали, это было выражение лёгкого отвращения.

Сюэ Сянь: «.....»

Да чтоб этого лысого пса разорвало, он ещё смеет брезговать...

Считавший себя в первой половине жизни существом, способным проткнуть небеса и содрогнуть землю, Сюэ Сянь был вот так запросто пойман монахом, обладавшим лишь смазливой внешностью, и всё ради какого-то куска рваной меди...

Стоило монаху соскоблить два пятна мха, как они тут же вернули свой истинный облик, превратившись в два небольших человеческих силуэта из бумаги. Монах с равнодушным видом оглядел их лица, сложил бумажных человечков и спрятал в потайной карман на поясе.

Сюэ Сянь ещё не успел изрыгнуть из глубины души бушующие потоки крови и выплеснуть их на лысую физиономию, как оказался плотно прижат к поясу монаха — вплотную, без единого зазора.

Если бы от обиды и унижения люди действительно могли умирать, Сюэ Сянь за время этого пленения и засовывания в карман успел бы умереть и воскреснуть раз двести. От природы он обладал диким, гордым нравом: он мог злить других, но никто не смел злить его. Он был наглым, бесстыдным и совершенно неразумным предком всех демонов. И надо же было такому случиться — по собственной неосторожности он напоролся на острый угол и сел в лужу!

Какими бы ни были изначальные причины, кровная вражда с этим лысым монахом была теперь официально начата.

Сюэ Сянь не любил подчиняться и поддавался только на мягкое, но никак не на жесткое. Будь у него сейчас в руках клинок, он бы без лишних слов вонзил его монаху в поясницу, но, к сожалению, у него не было привычки носить с собой мечи и ножи.

Монах казался ледяным столбом — неразговорчивый, с бесстрастным лицом, но тело его всё же излучало тепло. Еле ощутимое тепло пробивалось сквозь тонкую ткань белого грубого сукна и понемногу проникало в бумажное тело.

Бумажный Сюэ, которого согрело в считанные мгновения: «.....»

Раздражает!

И впрямь раздражает: для человека с больным телом даже крошечное тепло посреди лютой зимы способно мгновенно разрушить боевой дух, особенно для такого полугода паралича, как Сюэ Сянь. Каналы были заблокированы, ци и кровь циркулировали плохо, и нынешнее тело совершенно не умело удерживать тепло — весь месяц зимы он почти полностью продрог. От такого внезапного согревания тело прежде разума предалось лени, и ему вдруг расхотелось шевелиться.

Сложенный вдвое Сюэ Сянь некоторое время гневно лежал неподвижно, но наконец поборол

телесную лень и воровато шарил по карману монаха.

О глубине истинной силы этого молодого монаха Сюэ Сянь по-прежнему ничего не знал.

Если сказать, что у него действительно есть способности... Ну разве это дело — рвать белую ткань и соскоблить со стены мох? Этому научится любой сопливый мальчишка, который месит ногами грязь! К тому же человек с подлинной силой может снести пласт земли одним движением пальца, не говоря уже о клочке мха — он мог бы сравнять с землей весь двор. Зачем тогда понадобилось тащить кусок ржавой меди и соскребать всё лично?

Но если сказать, что способностей у него нет... Тогда как он с первого же взгляда разглядел все эти слои иллюзорных чар?

Сначала Сюэ Сянь опасался издали привлечь внимание, поэтому шарил тихо и осторожно, а благодаря невероятной тонкости бумаги это действительно удавалось делать незаметно.

Однако вскоре он перестал осторожничать и уже не утруждал себя сдержанностью. Он понял, что лысый монах сейчас был занят другим: сквозь два слоя белого грубого полотна, обёрнутых вокруг потайного кармана, он смутно расслышал за двором суматошные голоса. Похоже, там собралась толпа людей — и неизвестно зачем.

— Тц... чего ты бьёшь меня по лицу?! — приглушённо процедил сквозь зубы Цзян Шинин. Казалось, его терпение по отношению к Сюэ Сяню было на исходе.

Движения Сюэ Сяня ускорились, и от спешки он невпопад задел не то место. У него не было ни времени, ни настроения объясняться с этим зубрилой, поэтому он тихо зашикал на него, призывая придурка сидеть тихо и не издавать лишних звуков.

Последние полгода его движения были скованы, и каждый раз, когда ему нужно было что-то сделать или куда-то отправиться, приходилось прибегать к чужой помощи — будь то человек или вещь. И вот теперь посчастливилось столкнуться с этим лысым монахом: даже если у того не было ни гроша за душой и он жил лишь обманом и мошенничеством, при нём всё равно должны были оказаться вещицы, способные одурачить людей. Сюэ Сянь хотел умыкнуть из этого потайного кармана что-нибудь подходящее, а потом ускользнуть в суматохе.

Пока Сюэ Сянь был занят делом, молодой монах, разоривший его гнездо, уже дошёл до ворот медицинской лавки семьи Цзян.

Прежде массивные парадные двери давно обветшали и покривились, а медные засовы деформировались. Когда створки сходились, закрыть их наглухо не получалось — между ними оставалась широкая щель. Монах остановился у входа и слегка приподнял веки.

Через эту щелястую дверь он отчетливо видел, что снаружи уже толпилась чернеющая масса

людей. Медицинская лавка семьи Цзян давно превратилась в заброшенные развалины, так что фонарей у входа, разумеется, не висело, да и вешать их было не для кого. Но сейчас пришедшая толпа держала в руках связки бумажных фонарей, чей мертвенно-бледный свет озарял пришедших так, что те выглядели грозно, сурово и крайне зловеще — всем своим видом они показывали, что пришли с недобрыми намерениями.

Судя по такому виду, они явились либо ловить призраков, либо хватать преступников.

Вроде бы говорят: не совершаешь дурных поступков — не бойся стука в дверь. Но от столь грандиозного зрелища у любого при неожиданной встрече затрепетало бы сердце. Молодой же монах лишь бросил на них мимолётный взгляд и тут же отвёл глаза. Он толкнул створки ворот и зашагал наружу, даже не взглянув на толпу, будто этих людей с фонарями вовсе не существовало.

Люди, столпившиеся у входа в аптеку семьи Цзян, вовсе не были праздными зеваками. Все они были облачены в серо-синие уставные халаты уездной стражи, а на поясах у них болтались узкие мечи длиной в пару чи — всего около десятка человек. Заметив, что монах собирается уйти, они тут же положили руки на рукояти мечей, сузили круг и заступили ему дорогу.

Монах остановился, нахмурился и смерил взглядом преградивших путь людей, видимо, никак не взяв в толк, какое отношение они к нему имеют.

— Это он? О ком ты говорил? — внезапно раздался чей-то пожилой голос.

Монах скосил глаза на говорившего: это был невысокий мужчина средних лет в шапке советника, с козлиной бородкой, на вид сухощавый, но с заметно выступающим животом. Будь здесь кто-то из местных жителей Нинъяна, они бы сразу узнали в этом человеке советника уездного управления Лю Сюя.

Однако монах местным не был, да и с его характером, даже живи он здесь, он вряд ли стал бы запоминать, как выглядит советник, сколько у того глаз и ртов.

Зато человека, которого допрашивал советник Лю, монах запомнил — это был никто иной, как тот самый низкорослый служка из ресторана Цзювейцзюй.

Оказалось, что поломойка, поразмыслив над вывешенным у ресторана объявлением о розыске, всё-таки отправился в уездное управление. Раз за поимку назначили такую большую награду, значит, беглец — опасный преступник, мало ли сколько за его душой висело чужих жизней!

Вот служка и донёс на этого молодого монаха, а уездные стражники, недолго думая, сразу же выступили за поимку.

Взгляд монаха упал на служку; тот почувствовал угрызения совести, слегка втянул голову в

плечи и заискивающе забормотал: — У... учитель, я...

Не дожидаясь, пока тот договорит, молодой монах отвёл взгляд. Он чуть качнул пальцем, и в руки службе по дуге прилетел какой-то темный предмет. Тот испуганно зажмурился, думая, что это опасная вещь, но, услышав стук сталкивающихся монет, осторожно приоткрыл глаза.

Кошель с деньгами!

Монах бросил ему тот самый кошель, который он незадолго до этого засунул ему за пазуху.

Словно избавившись наконец от тяжелой ноши, монах с абсолютно невозмутимым видом вновь зашагал вперёд. На этот раз, похоже, потеряв терпение из-за заминки, он холодно и бесстрастно бросил стражникам: — Дорогу.

— Господин, это... — стражники преграждали путь и одновременно бросали вопросительные взгляды на советника.

— Стойте. — Советник вытащил из-за пазухи тонкий лист бумаги, развернул его при свете фонарей и произнес: — Откуда родом этот маленький наставник? В каком храме возжигаешь благовония? Каково твоё монашеское имя?

Молодой монах хмуро посмотрел на него, явно не желая отвечать, или же погруженный в какие-то свои мысли.

Заметив его дерзость, советник повысил голос: — Маленький наставник, поступил донос, что ты подозрительно похож на разыскиваемого правительством опасного преступника! Если ты и дальше будешь упорствовать и молчать, нам придется забрать тебя в уезд для тщательного разбирательства!

Молодой монах холодно взглянул на него и спустя мгновение спокойно ответил: — Монашеское имя Сюэ Минь, странствующий монах, без кола и двора.

Настоящие монахи никогда до такого не опускаются: те, кто заявляют, что у них нет ни дома, ни храма, в восьми случаях из десяти промышляют нечестными деньгами, проще говоря — жулики.

Советник смерил его презрительным взглядом с ног до головы, после чего демонстративно встряхнул листок с объявлением и велел поднести фонари поближе, чтобы сравнить внешность человека из розыска с Сюэ Минем.

Сюэ Сянь, суетившийся в потайном кармане, услышал это от начала до конца и злорадно ухмыльнулся: вот тебе, лысый пёс, за разорение чужих гнёзд! Теперь твоё собственное гнездо тоже выворачивают наизнанку! Так тебе и надо!

В кармане не нашлось ничего полезного для него: кроме персиковой ветки и двух кресал, там обнаружился лишь тканевый сверток. Нашупав подкладку, он понял, что внутри лежали какие-то длинные и короткие иглы. В общем, всё не то, что ему было нужно. Сюэ Сянь решил больше не терять времени и попытался тайком выскользнуть из кармана, пока монах не обращает внимания.

В этом деле он всё же полагался на собственное мастерство. Пока он не хотел привлекать к себе внимания, обычные люди заметить его движения никак не могли. Дождавшись, пока советник снова заговорит, Сюэ Сянь вытянулся в тончайший листок и пополз вверх по узкой щели кармана.

Однако стоило ему высунуть наружу одну только макушку, как перед глазами вдруг потемнело —

Этот проклятый лысый чёрт вовремя поднял руку и одним пальцем безжалостно вдавил его бумажную голову обратно!

Сюэ Сянь: «.....»

Этот прирожденный бунтарь вспыхнул от злости, заворочался в кармане, нащупал ту самую иголку и со злости вонзил её прямо в поясницу лысого негодяя.

Сюэ Минь: «.....»

В то время как Сюэ Сянь втайне уже был готов перевернуть всё вверх дном, преградивший дорогу монаху советник сверил лицо со списком и нахмурился: — Не то...

— Не то? — стражники за его спиной тоже заглянули в бумагу.

— Возраст не тот, слишком большая разница, — изрек советник. — И черты лица не очень похожи... Издалека ещё куда ни шло, а вблизи при свете фонаря видно, что этот слишком молод. К тому же в розыске преступник — говорят, необычайно опасный и сильный монах, а этот...

Взгляд советника невольно опустился на пояс Сюэ Миня и задержался на этой серой связке медных монет. Хотя он ничего не сказал вслух, по выражению его лица всё было ясно: перед ними сопляк, чьи монеты даже масляным блеском не покрылись... Сильный монах? Какая чушь!

Уважать фальшивого лекаря, чьи трюки видны насквозь, никто не станет.

Заметив его медные монетки, советник скривился в презрительной гримасе. Он пренебрежительно махнул рукой в сторону Сюэ Миня и бросил: — Ладно, к тебе у нас вопросов

больше нет, ступай.

Монах зашагал дальше, словно всё происходящее было лишь опавшим осенним листом, который стряхнули с плеча и забыли.

Однако, сделав пару шагов, он бросил равнодушный взгляд на лицо советника и тихо проговорил: — Тебе осталось жить недолго.

Сюэ Сянь, затевающий в тёмном кармане новую пакость, от неожиданности дёрнулся и едва не разорвал сам себя пополам: «.....» Прекрасно, и стараться не нужно, этот лысый сам напрашивается на смерть!

Правда, от этого движения он случайно прижался к самому основанию поясницы Сюэ Миня, и вдруг в голове что-то звонко отозвалось гулким ударом — словно кто-то ударил в колокол в глубине его разума.

Сюэ Сянь от такого неожиданного потрясения остолбенел и медленно опустился на дно кармана, чувствуя одновременно смятение и смутную тревогу.

Полежав немного в тишине, он снова принялся потихоньку ползать в кармане Сюэ Миня и вернулся к тому же месту. Прижавшись к грубой ткани белого сукна, он прислушался и, не веря своим ощущениям, принялся шарить вверх-вниз, но на этот раз — никакой реакции.

— Неужели дело в том уколе иглой? — пробормотал про себя Сюэ Сянь и снова ухватился за тонкую иглу.

— Ай... что это меня кольнуло? — проворчал басом Цзян Шинин. — Что ты вечно копошишься?

Сюэ Сянь вдруг опомнился и озадаченно спросил: — Постой-ка, а почему ты снова можешь говорить?

Задав этот вопрос, Цзян Шинин и сам опешил.

И в самом деле: время суток давно миновало, по идее, он должен был оставаться немым и парализованным, почему же он вдруг обрёл дар речи?

Неужели это как-то связано с тем странным звоном в голове? Хотя нет. До этого Цзян Шинин ведь тоже уже говорил, просто они оба не обратили внимания.

Или... в этом лысом монахе и вправду кроется какой-то секрет? Задумавшись об этом, Сюэ Сянь вспылал ещё большим любопытством. Недолго думая, он снова вонзил иголку в то же место на пояснице Сюэ Миня.

Сюэ Минь, собиравшийся покинуть толпу, резко замер на месте: «.....»

Сюэ Сянь, вероятно, был первым в мире человеком, которого поймали с поличным, но он продолжал вести себя столь нагло и беспардонно. Поистине уникальный талант.

Нахмурившись, Сюэ Минь вытащил из потайного кармана бумажного человечка, который не успокаивался ни на секунду с самого начала. Сложенный в несколько раз Сюэ Сянь от собственных манипуляций слегка помялся, но при беглом взгляде размером он походил лишь на сложенное письмо — ни человеческого подобия, ни чего-то примечательного со стороны заметно не было.

Монах бесцеремонно ухватил бумажного Сюэ за макушку и попытался вытащить серебряную иглу, которая словно «приросла» к бумаге.

Но игла сидела крепко, как будто выросла в тело куклы.

Сюэ Минь опустил взгляд и холодно бросил бумаге: — Отпусти.

Стражники: «.....» Этот жуликоватый монах часом не рехнулся? Или занимается своими колдовскими фокусами?

Потрясенный пророчеством о скорой смерти советник Лю наконец пришел в себя и пришел в ярость. Ткнув пальцем в Сюэ Миня, он заорал: — Ах ты, неблагодарный бродячий монах! Ты выглядишь подозрительно, происхождение твоё темно, и даже если ты не преступник с портрета, я всё равно имею полное право задержать тебя до выяснения всех обстоятельств твоего рода до седьмого колена, и это будет полностью по закону! Я по доброте душевной не стал с тобой возиться, так ты мало того что не ценишь этого, так ещё и проклинаешь меня?! А ну, взять его...

Не успел он договорить, как Сюэ Минь перебил его: — Меж твоих бровей нет ни малейшего просвета, в центре чернота, а по краям синева — это знак истощения жизненных сил и близкой гибели. К тому же у самого левого уха залегла кровавая печать.

— Какая ещё кровавая печать? — советник рефлексивно схватился за ухо, но пальцы остались чистыми, без следов крови.

— Тебе её не увидеть. — Сюэ Минь вернул наконец извлеченную иглу в потайной карман и холодно щелкнул бумажного человечка по макушке.

За всю свою жизнь Сюэ Сянь ещё не встречал никого, кто посмел бы щелкнуть его по лбу! Ему показалось, что этот лысый нагло выпил воды из самой Янцзы и возомнил, будто способен взлететь на небо. Он уже собирался рассвирепеть, но, услышав про кровавую печать у уха, вдруг замер. С трудом извернувшись между пальцами монаха, он всмотрелся в лицо советника

Лю.

И действительно — около слегка оттопыренного левого уха советника, ближе к виску, виднелся четкий красный след, словно на кожу брызнуло чьей-то кровью.

Стоило бумажному телу Сюэ Сяня заметить этот кровавый след, как оно задрожало. Долго подавляемые гнев и ненависть сорвали крышку и забурили бурным потоком.

В тусклом мареве ему вновь показалось, будто он лежит на сыром морском берегу: черным-черные тучи придавили к земле большую часть небосвода, солёный запах прилива волнами накатывал на него сквозь непрекращающиеся раскаты грома и тропический ливневый дождь. А он не мог пошевелиться, разум его тонул в тумане, боль в спине проникала до самых костей, словно мириады муравьев грызли его сердце...

У него живьём вырвали все жилы и кости до единой, но он даже не смог разглядеть лицо того мерзавца...

Пока в голове Сюэ Сяня бушевала буря, советник Лю продолжал щупать себя за ухом и с мрачным лицом осведомился у Сюэ Миня: — В смысле — мне не увидеть?! Прекрати молоть чушь, монах! Какую околесицу ты несёшь про черные брови и кровавые бедствия? Какой жулик не умеет плести подобную чепуху?! И что ещё за кровавая печать такая?!

<http://bllate.org/book/21932/2278719>